

Динамика русского лингво-культурного пространства (на примере прецедентного имени)

© доктор филологических наук Д.Б. Гудков,
А.С. Рассказов, 2010

*Посвящается памяти
Юрия Александровича Сорокина*

Данная работа, несмотря на столь громкое и широкое название, посвящена относительно узкой теме: специфике бытования в языковом сознании молодых представителей русского лингво-культурного сообщества прецедентных имен, входящих в когнитивную базу этого сообщества. Наши рассуждения базируются, прежде всего, на результатах психолингвистического эксперимента, о котором будет сказано ниже. Теперь же определимся с базовыми терминами и понятиями, которыми мы будем оперировать в дальнейшем.

Культурным пространством мы называем форму существования культуры в человеческом сознании. Те или иные феномены культуры при восприятии их человеком отражаются в сознании последнего, где и происходит определенное структурирование отражаемого и устанавливается их взаимоотношение, иерархия, т. е. некие системные отношения отражаемых феноменов.

Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого лингво-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений. Мы называем такую совокупность индивидуальным когнитивным пространством. При этом существует некая совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального, генерационного и т. д.), которую мы определяем как коллективное когнитивное пространство. Определенным же образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества, определяется нами как когнитивная база (КБ).

Наполнение КБ отличается от наполнения культурного пространства: первую формируют не столько представления как таковые, сколько инварианты представлений (существующих и возможных) о тех или иных феноменах, которые хранятся там в минимизированном, редуцированном виде. Именно владение знаниями и представлениями, входящими в КБ и имеющими надличностный инвариантный характер, по-

звolyет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам.

Прецедентным именем (ПИ) мы называем индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (напр., *Раскольников*, *Левша*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (напр. *Павлик Морозов*, *Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт*, *Кулибин*). При вхождении в КБ представления о том феномене, на который указывает ПИ, из множества диалектических и часто противоречивых черт вычленяется лишь ограниченный набор характеристик, формирующих национально детерминированное минимизированное представление (НДМП). Означаеым ПИ является НДМП «культурного предмета», включающее его дифференциальные признаки, атрибуты, оценку. Одним из основных критериев отнесения имени к прецедентным является его способность регулярно употребляться конотативно (интенционально), т. е. выступать в роли семантического предиката, характеризовать тот или иной объект, приписывая ему свойства, входящие в НДМП ПИ.

В 1998 году нами (совместно с И.В. Захаренко и В.В. Красных) был проведен эксперимент в форме опроса с целью выявления некоторых особенностей семантики и функционирования ПИ¹.

При опросе мы старались работать с информантами разного возраста, образования, живущих в разных регионах страны (Москва, Подмосковье, Новгород, Тверская область, Архангельская область), горожан и сельских жителей. Нижней возрастной границей опрошенных мы положили 16-17 лет (ученики последних классов школы и ПТУ) как возраста относительно полной социализации. Всего было опрошено 90 человек.

Анкета состояла из трех разделов. Задание к первому из них было сформулировано следующим образом: *Представляя своего(-ю) знакомого(-ю), N сказал, что он (она)... Что N имел в виду?* После этого следовал список из 30 имен. Эти же имена фигурировали во втором разделе анкеты. В нем предлагалось высказать предположение о содержании газетной статьи, озаглавленной, например: *Колумбы Сибири*, *Рацион для Кащея*. В третьем разделе информантам предлагалось закончить предложение с теми же ПИ: *Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот...*

Ниже для наглядности представлен фрагмент анкеты.

1. Представляя своего(-ю) знакомого(-ую) N сказал, что он (она)
Что N имел в виду?

¹ Подробнее об этом мы писали в: *Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. 2000.*

Моцарт	
Илья Муромец	

2. Как Вы думаете, о чем рассказывает газетная статья, озаглавленная

Обувь для Дюймовочки	
Коломенский Плюшкин	

3. Его (ее) называли... , потому что он (она).....

Обломов	
Макаренко	

Таким образом, каждое ПИ было трижды употреблено коннотативно, его интерпретация информантами позволяет составить впечатление о его бытовании в языковом сознании лингво-культурного сообщества и выявить то НДМП, на которое это имя указывает. К числу прецедентных мы относили те имена, с инвариантом восприятия которых не менее 70 процентов респондентов в целом. Это число выбрано достаточно условно, оно, как нам кажется, свидетельствует о том, что подавляющее большинство русских знакомо с НДМП, стоящим за тем или иным ПИ.

Через 12 лет, в 2010 году, мы повторили данный эксперимент. Анкета и принципы анкетирования не претерпели никаких изменений, состав же информантов был несколько другим. В этом качестве выступили исключительно студенты различных факультетов (технических и гуманитарных) МГУ и Тамбовского университета (20 респондентов из Москвы, 60 из Тамбова). Иными словами, уровень образования опрошенных был в среднем заметно выше, чем в первом эксперименте. Мы сознательно обратились именно к данной социальной группе, считая, что именно ее представители будут в ближайшее время определять тенденции развития русского лингво-культурного сообщества и страны в целом.

Сравнительные результаты двух опросов представлены в следующей таблице (в процентах к числу опрошенных).

№	Прецедентное имя	1998	2010
1.	Моцарт	100	100
2.	Илья Муромец	99	98
3.	Ломоносов	98	90
4.	Колумб	97	81
5.	Дядя Степа	95	94
6.	Кашей Бессмертный	95	74
7.	Колобок	95	76

8.	Иван Сусанин	94	61
9.	Золушка	93	67
10.	Дюймовочка	93	94
11.	Шапокляк	92	71
12.	Павлик Морозов	91	78
13.	Остап Бендер	91	51
14.	Суворов	90	58
15.	Стаханов	87	64
16.	Стенька Разин	79	50
17.	Кулибин	78	54
18.	Павка Корчагин	77	20
19.	Обломов	77	56
20.	Макаренко	75	38
21.	Хлестаков	74	33
22.	Плюшкин	74	34
23.	Софья Ковалевская	71	54
24.	Тарас Бульба	53	26
25.	Гришка Отрепьев	52	33
26.	Гамлет	45	9
27.	Нефертити	62	58
28.	Дон Кихот	64	19
29.	Манилов	65	6
30.	Малюта Скуратов	61	24

Прежде чем прокомментировать результаты, приведенные в таблице, скажем несколько слов о тех ответах, которые были получены в ходе эксперимента 2010 года. Более 90% опрошенных назвали *Павлика Морозова* предателем, соответственно, мене 10% – героем. Интересно, что схожая картина наблюдалась и в 1998 году, причем в разных возрастных группах, из чего можно сделать вывод, что усилия советской пропаганды в данном случае пропали даром. Четверо информантов как атрибут *Суворова* (который был все же назван ими замечательным полководцем) отметили повязку на глазу. *Стенька Разин* фигурировал только в качестве «бунтаря», известная прецедентная ситуация с персидской княжной (представленная в половине ответов в 1998 г.) современными респондентами никак не актуализировалась. Любопытно, что около трети «опознавших» *Хлестакова* охарактеризовали его как «находчивого, хитрого», что, конечно, к литературному образу никакого отношения не имеет.

Теперь попробуем сформулировать выводы по результатам эксперимента. Некоторые из них достаточно очевидны и предсказуемы.

Первое, что бросается в глаза, это резкое «снижение прецедентности» героев классической литературы (речь идет о произведениях, входящих или до недавнего времени входивших в школьную программу): *Тарас Бульба, Плюшкин, Хлестаков, Манилов, Гамлет, Дон Кихот* не набирают и сорока процентов. Чуть более 50% набрал *Остан Бендер*, но тут у нас нет уверенности, что речь идет о герое книг, а не кинофильмов. Данные результаты, вероятно, могут служить еще одним доказательством часто повторяемого сейчас тезиса: русское лингвокультурное сообщество стремительно утрачивает свою литературоцентричность.

Снижение прецедентности характерно, как легко заметить, практически для всех имен. В наименьшей степени оно коснулось персонажей детской литературы (*Илья Муромец, дядя Степа, Кащей Бессмертный, Колобок, Золушка, Дюймовочка, Шапокляк*), куда мы относим и героев фольклора, т. к. очевидно, что подавляющее большинство русских знакомится, скажем, с *Ильей Муромцем* не по оригинальному стихотворному тексту былин киевского цикла, но по их пересказам для детей и/или мультфильмам.

Мы изначально предполагали, что утратят статус прецедентных имена, связанные с идеологемами советской эпохи. Картина оказалась несколько иной. Если *Макаренко* и *Павка Корчагин* уже практически «выпали» из когнитивной базы, то *Стаханов* и *Павлик Морозов* продолжают сохранять высокий процент «опознаваемости». С чем это связано, мы ответить затрудняемся, лишь констатируем очевидный факт.

Заметно также снижение прецедентности исторических персонажей (*Колумб, Нефертити, Сусанин, Разин, Отрепьев, Малюта, Суворов*), что, безусловно, тоже весьма симптоматично.

Полученные результаты позволяют высказать две гипотезы, каждая из которых имеет право на существование, но при этом и нуждается в подтверждении. С одной стороны, можно предположить, что меняется состав когнитивной базы, одни ее единицы замещаются другими. С другой – можно вести речь о разрушении самой когнитивной базы, утраты общности ядра знаний и представлений об определенных «культурных предметах», которая (общность) необходима для культурного единства сообщества. Рассмотрим каждую из этих гипотез чуть подробнее.

ПИ часто выступают в качестве никнеймов в такой новой для истории языка и его функционирования форме общения, как «виртуальная коммуникация» (воспользуемся этим названием). Само по себе стремительное распространение этой коммуникации, задающей особые речевые формы и речевые жанры свидетельствует о динамике русского лингвокультурного пространства. Но в настоящей работе мы не станем

даже коротко останавливаться на ее особенностях, которым в последнее время посвящается все больше исследований. Заметим лишь, что в ней участвуют в основном представители все той же социальной группы, которые были участниками описанного выше последнего опроса. Это наиболее молодая и «продвинутая» часть русского лингво-культурного сообщества, речь которой не может не оказывать серьезного влияния на функционирование русского языка сегодня. Рассмотрим же, какие ПИ выступают в качестве никнеймов² в различных формах Интернет-общения³.

Заметно значительное количество ПИ, «традиционно» принадлежащих русской КБ: *Штирлиц*⁴, *Горыныч*, *Айболит*, *Хоттабыч*, *Робинзон*, *Бэмби*, *Цезарь* и др. Здесь заметно преобладание персонажей детской литературы («Робинзон Крузо» в России проходит именно по этому разряду), что, как и результаты эксперимента, свидетельствует о достаточно прочном положении инварианта восприятия соответствующих текстов в КБ. Наряду с этим активно представлены и иные имена: *Фродо*, *Лорд-Владыка*, *Дональд Дак*, *Гарфилд*, *Sinderella*, *Зорро*, *Агент007* и др. Здесь мы также видим доминирование «детских» героев, пришедших из американских (почти исключительно) фильмов и мультфильмов. Показательно, что давно «обрусевшая» *Золушка* заменяется *Sinderell'oi*. Может удивить почти полное отсутствие героев классической литературы (отечественной и зарубежной), но это, помимо всего прочего, может объясняться постмодернистской иронией, карнавализацией, характерной для виртуального общения и считающейся в нем хорошим тоном. Таким образом, мы видим подтверждение высказанной выше гипотезы: традиционные единицы русской КБ начинают вытесняться инокультурными феноменами⁵.

Против этой гипотезы говорят те тенденции, которые можно наблюдать в нейминге. Большинство отечественных фирм, товаров, компаний и т. д., в названии которых используются ПИ, обретают имена, давно присутствующие в русской КБ, причем и здесь мы видим тенденцию обращения к персонажам фольклора и детской литературы. Например: *Старик Хоттабыч* (сеть магазинов стройматериалов), *Снегурочка* (бу-

² Формы сетевых имен чрезвычайно разнообразны, мы рассматриваем лишь одну из них, отнюдь не доминирующую.

³ Примеры взяты нами из: *Грушецкая Ю.А.* Никнейм и его место в русском культурном пространстве. (В рукописи).

⁴ Здесь и далее все никнеймы даем в кириллической записи, игнорируя различные и весьма разнообразные формы игры с графикой, характерной для подобного общения, но не интересующей нас в настоящей работе.

⁵ Отдельный сложный вопрос, что называть инокультурным прецедентным феноменом, его мы рассматривать не станем, заметим лишь, что, например, *Карлсон* или *Маугли* давно «освоены» русской культурой и не рассматриваются ее носителями как «чужие», чего нельзя сказать о *Гарфилде* или *Фродо*.

мага), *Буратино* (кафе), *Мальвина* (салон красоты), *Снежная королева* (сеть магазинов зимней одежды), *Маугли* (сеть магазинов детских игрушек), *Морозко* (холодильник) и т. д.

Несколько в стороне от этой тенденции стоит, пожалуй, лишь ресторанный бизнес, активно использующий в названии своих заведений имена героев русской классической литературы: *Тарас Бульба*, *Хлестаков*, *Обломов*, *Раскольников*, *Пьер Безухов*, *Онегин*, *Чичиков*. Любопытно, что для названий ресторанов и кафе используются имена почти исключительно мужских персонажей, исключение составляет лишь кафе «Маргарита», находящееся недалеко от Патриарших прудов. С чем связан интерес к классической литературе у владельцев ресторанов и почему они выбирают только мужские имена, мы ответить затрудняемся.

Подводя итог этих кратких заметок, скажем, что динамические процессы в русской когнитивной базе очевидны, очевидно и все более активное вторжение в нее «инокультурных» (назовем их так) единиц, но при этом ядро КБ существенных изменений все же не претерпевает, что позволяет говорить о пока еще существующем единстве русского лингво-культурного сообщества, хотя некоторые тенденции, о которых было сказано выше, не могут не вызывать тревогу.